УДК 81-119

DOI 10.17516/2311-3499-029

О ЛЕГИТИМНОСТИ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

А.А. Бернацкая

Цель исследования – обосновать не только допустимость, но и целесообразность анализа художественного текста в контексте информационно-психологической войны (ИПВ). Опыт исследования шести художественных произведений пяти авторов (за исключением А.А. Зиновьева, это современные авторы) позволяет сделать вывод о правомерности включения текстов этого функционального стиля в содержательно-методологическое поле ИПВ. Обоснованием служат, с одной стороны, положения о присутствии идеологических процессов во всех видах социальной деятельности и о возможности ведения информационно-психологических войн с помощью любых средств передачи информации и обработки информацией психического сознания масс. С другой стороны, это онтологическое свойство художественного стиля – полиингредиентность и, как следствие, потенциальная полидискурсивность его единиц, их когнитивная, коммуникативная и эмотивная функции, информативность и психическое воздействие на адресата. Выделяются два критерия наличия признаков ИПВ в тексте. Первый – высокая степень идеологической ангажированности текста, второй – стабильно негативный вектор оценочности по отношению к основным объектам и мишеням манипулятивного воздействия. Исследование ведётся в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы современного языкознания.

Ключевые слова и фразы: информационно-психологическая война; идеология; идеологическая ангажированность; идеологема; лингвоидеологический анализ; оценочность; художественный стиль; дискурс; дискурс-анализ; дискурсивно-когнитивная парадигма.

CONSIDERING VALIDITY OF A LITERARY TEXT ANALYSIS IN THE ASPECT OF INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WAR

A.A. Bernatskaya

The aim of the research is to justify not only the admissibility, but also the practicability of analyzing a literary text in the context of information-psychological war. The study of six works by five authors (apart from A.A. Zinoviev all of them are modern authors) allows us to conclude that it is valid to include the texts of this functional style into the content-methodological field of information-psychological war. It is justified, on the one hand, by the presence of ideological processes in all types of social activity and by the possibility of conducting information-psychological wars with the help of any means of transmission of the information and processing of the mental consciousness of the people with the information. On the other hand, it is the ontological property of the artistic style, polyingredientness, and, as a consequence, the potential poly-discursiveness of its units, their cognitive, communicative and emotive functions, informativeness and mental impact on the addressee. There are two criteria for the presence of the signs of information-psychological war in the text. The first one is a high degree of ideological engagement of the text, the second is a stably negative vector of evaluation in relation to the main objects and targets of manipulative influence. The research is conducted within the framework of cognitive-discursive paradigm of modern linguistics.

Keywords and phrases: *information-psychological war; ideology; linguo-ideological analysis; ideologeme; ideological engagement; evaluation; text; artistic style; discourse; discourse analysis; discourse-cognitive paradigm.*

В настоящее время феномен «идеология» в гуманитарных науках, по выражению философа В.И. Чуешова, переживает ситуацию «идеологического ренессанса» [Чуешов 2004]. Факт этого небывалого интереса мотивирован в большой степени нарастающим масштабом информационных войн внутригосударственного и международного уровня. В области лингвистики это привело к формированию новых междисциплинарных дисциплин, прежде всего, политической лингвистики и лингвистики информационно-психологической войны [Лингвистика 2017]. Материалами исследования в этих дисциплинах служат тексты и высказывания в области политической коммуникативистики и политической коммуникации. Общий объект исследования в них – идеологический компонент.

Однозначного понимания термина *идеология*, несмотря на историческую закреплённость в гуманитарных науках, нет. В узком понимании он ассоциируется с государственной идеологией, чаще в политической области. Отечественной философии даже в советскую эпоху, несмотря на доминирование классового характера, было свойственно широкое понимание идеологии. «Идеология – совокупность общественных идей, теорий, взглядов, которые отражают и оценивают социальную действительность. <...> Будучи частью общественного сознания, идеология... проявляет себя в различных *формах общественного сознания*. Соответственно, различаются политическая и правовая идеология, *философия и религия*, нравственное и эстетическое сознание. Наука является преимущественно формой познания, но...испытывает влияние идеологии <...> [Философский словарь 1986: 157–158]. БЭС даёт идентичное определение идеологии, акцентируя внимание на областях её актуализации: это «система политических, правовых, религиозных, нравственных, эстетических и философских взглядов и идей...» [БЭС 1998: 434]. Социоэкономический словарь постсоветского периода: «Идеология – система политических, социальных, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических идей и взглядов, исповедуемых партиями, политическими течениями, общественными движениями, научными школами, отражающих их мировоззрение, идеалы, целевые установки. В идеологии осознаются, отражаются, оцениваются отношения людей к окружающей действительности, общественные отношения, социальные проблемы, положение социальных групп и слоев, их интересы, цели социально-экономического развития [Райзберг 2012: 171]. Какие бы конкретные смыслы ни вкладывались в понятие идеологии, она всегда понимается как *совокупность (система) идей, убеждений, представлений*. «Идеологический дискурс, – заключает В.И. Чуешов, – может рассматриваться прежде всего как средство культурной и практической *ориентации* людей» [Чуешов 2004]. Философы Т.Б. Любимова и А.В. Рубцов убедительно заявляют, что идеологические процессы универсальны, т.е. присутствуют «в скрытом или явном виде практически во всех видах социальной деятельности» и что идеология «исполняет функцию интеграции (или дезинтеграции) общества, являясь частью социальной системы» [Рубцов, Любимова 2013: 6].

Вопрос об исследовании **художественных** текстов с точки зрения идеологического содержания имеет непростую и долгую историю. Главным предметом дискуссий по проблеме остаётся философский вопрос о соотношении в художественном произведении, искусстве в целом, **формы и содержания** как выражения, соответственно, эстетического и логического, или рационального. Соотношение эстетического и идеологического – традиционный объект теории литературоведения и литературной критики, остающийся, тем не менее, дискуссионным. Доминирует идея нерасторжимой связи идеологического и эстетического. Необъятность исследовательского поля языковой репрезентации идеологических смыслов в художественной литературе очевидна. Есть признание актуальности проблематики. Есть ряд опытов исследования

разных аспектов идеологического (чаще политического) в художественных текстах. В.А. Каменева справедливо заключает, что «**лингвистическая** теория идеологии далека от этапа окончательной сформированности и стройности» и необходимо совершенствовать её понятийно-терминологический аппарат» [Каменева 2017: 19]. Тем не менее не следует забывать, что блестящий образец именно лингвистического анализа идеологии национал-социализма дал В. Клемперер в «Дневнике филолога», Берлин, 1947 (Klemperer Victor. LTI. Notizbuch eines Philologen). Заметной вехой в новейшей истории рассматриваемой проблематики стало терминопонятие *лингвоидеологического анализа*, введённое в научный оборот Н.А. Купиной [Купина 2015]. Знаменательно, что в одной из последних статей автор ведёт речь о *лингвистической философии* автора художественного произведения и о процедуре *лингвоаксиологического анализа* [Купина 2017: 194]. Замена термина означает не смену принципиального подхода к анализу, а смену акцентов. Она вполне объяснима оценочным характером любой идеологии. Всякая идеология – это отношение к изображаемому миру, следовательно, его оценка и построение на этой основе своей картины мира. Интерпретация и действительности, и текста / высказывания покоится на оценке. Когнитивистика с полным правом утверждает, что оценочность неотделима от всякого индивидуального и коллективного знания: «мир репрезентирован, представлен в нашем сознании в виде определённых структур знания, мнения и оценки мира» [Болдырев 2014: 23].

Лингвоидеологический анализ художественных текстов производится в рамках когнитивно-дискурсивной / дискурсивно-когнитивной парадигмы, сформулированной в работах Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2004: 11–12]. Исследование речевых единиц в идеологическом аспекте, в контексте ИПВ безальтернативно «привязано» к этой парадигме не только в силу её доминирования на современном этапе теории языка, но, прежде всего, в силу того, что эта антропоцентрическая концепция языка неукоснительно требует выхода исследования из сферы внутренней лингвистики в Соссюровском понимании к внешней, что предполагает достройку системно-структурной модели речедетальности. Это означает тесную сплётённость интра- и экстралингвистических факторов в методологии и методике лингвистического анализа. План содержания дискурса объединяет интра- и экстралингвистические отношения и связи. Это диктует в качестве единицы лингвоидеологического анализа именно дискурс, а не текст.

Если термин *дискурс*, несмотря на неоднозначное понимание, занял прочное место в теории и практике исследования языка / речи, то методический феномен, связанный с этой единицей анализа, остаётся неустойчивым. Диапазон различий в понимании дискурс-анализа простирается от игнорирования дискурса как единицы анализа [Москвин 2015] до признания дискурс-анализа (ДА) в качестве *самого разностороннего и многообразного из всех методов, позволяющих анализировать процесс человеческого общения* [Леонтович 2011]. Между этими полюсами другие трактовки, иногда тех же авторов: ДА как *стратегия исследования текста* [Хроленко 2005]; *техника интерпретации* [Бушев 2018]; ДА *приравнивается к методу без обоснований* ([Даниленко 2011; Гаврилова 2012]); *метод, ограниченный рамками когнитивной лингвистики* [Чернявская 2014]; *междисциплинарная область знаний* [Хроленко 2005]; *интегральная сфера изучения языка и общения* [Макаров 2003]; *область научной практики, междисциплинарный проект во всех гуманитарных и социальных науках* [Дейк 2013]; *разновидность лингвистически ориентированных подходов* [Леонтович 2011]; *дискурсивный подход* [Будаев, Чудинов 2008]; *методики в рамках макропарадигмальных методов* [Комарова 2013]. Наиболее адекватным обобщением сложившейся ситуации остаётся оценка А.Т. Хроленко: «Можно утверждать, что дискурсивный анализ – это стратегия исследования текста, предполагающая комплекс методик, которые практически не эксплицированы и фрагментарно используются исследователями на интуитивном уровне» [Хроленко 2005: 138–139]. Следовательно, некорректно называть ДА методом. Термин «дискурс-анализ» символизирует закреплённость дискурса как единицы анализа за рядом актуальных междисциплинарных дисциплин, в том числе, политической лингвистики и

лингвистики ИПВ. Едва ли обоснованно считать ведущим методом лингвоидеологического анализа художественного текста *критический дискурс-анализ*. Во-первых, нет абсолютного единства в методологии и задачах среди его приверженцев. Во-вторых, КДА хорошо «работает» и активно пользуется приёмами количественно-качественного анализа, прежде всего, методом **контент-анализа** на материале публицистики, СМИ. На материале одного (художественного) текста метод, как правило, не- или малоэффективен.

Неоправданно придавать статус одноименного метода термину «лингвоидеологический анализ». Это аспект формально-содержательного исследования текстов, к которому привлекла внимание Н.В. Купина. Согласно семантической структуре термина, это анализ идеологического компонента содержания текста и способов его языковой репрезентации. Комплексный характер коммуникативно-прагматического и когнитивно-коммуникативного макропарадигмальных (З.И. Комарова) методов свидетельствует о возможности и необходимости использовать любые методы и приёмы, ведущие к достижению цели и решению поставленных задач. Особое место среди таких методов всё более уверенно занимает **метод метафорического моделирования**. Чешский (лингво)политолог П. Друлак приписывает методу универсальный характер: метафора – **общий элемент всех стилей науки и искусства**. Это, заявляет автор, повторяя метафорическое название своей статьи, «мост между рациональным и художественным». «Образная рациональность метафор представляет идеальную общую основу для сведения воедино рационального познания и художественного переживания» [Друлак 2008: 180–188].

Первые опыты исследования *художественных* текстов в контексте *информационно-психологической войны (ИПВ)*, насколько известно, были предприняты в статьях автора настоящей публикации (А.А. Бернацкой) в 2014–2016 гг. и представлены в коллективной монографии [Лингвистика...Книга 1. 2017: 154–172, 190–254]. В статьях автора ко второй книге монографии также содержатся выводы о наличии в исследуемых текстах **признаков ИПВ**. Безусловно правы А.П. Сковородников и Г.А. Копнина, утверждая, что для лингвистов, изучающих ИПВ, основной методологической проблемой является «создание системы критериев, позволяющих квалифицировать речевое произведение как информационно-психологическое оружие» [Лингвистика 2017: 16]. В качестве исходного тезиса-аксиомы в процессе выполнения поставленной задачи воспользуемся выводом С.А. Зелинского, что **ведение информационно-психологических войн становится возможно с помощью любых средств** передачи информации и обработки информацией психического сознания масс. Помимо ТВ, кино, и прессы к подобным средствам массового воздействия автор относит также **литературу, искусство, образование** и т.п., – «то есть играют роль все способы, с помощью которых происходит (или может произойти) изменение в массовом сознании посредством внедрения в подобное сознание (через подсознание) каких-либо установок» [Зелинский 2008: 60].

Поиск аргументов для обоснования правомерности включения того или иного художественного текста в исследовательский контекст ИПВ начнём с онтологии художественного стиля. Полиингредиентность («принцип винегрета» на лингвистическом жаргоне), долгое время выступавшая основным доводом не признавать художественную литературу как особый функциональный стиль, – это некий антипод феномена значимого нуля. Как отсутствие формальной маркировки при определённых условиях представляет собой способ репрезентации некоего грамматического значения или как фигура умолчания в системе других стилистических фигур, так «всеохватность» может представлять дифференциальный признак в оппозиции к единичности, ограниченности всех остальных стилей определённой сферой использования языка. При рассмотренном функционально-дискурсно-текстовом подходе гетерогенность художественного текста означает его потенциальную полидискурсивность. Вся онтология мира в её материальной и идеальной субстанции, следовательно, любой дискурс могут быть представлены в текстах этого функционального стиля. Функциональный стиль и дискурс – понятия разновеликие. Следовательно, некорректно полагать основанием включения

художественных текстов в объект, например, политической лингвистики снятие границ между *политическим* и *художественным дискурсами*, как это видит профессор Лю Хун, подробно разбирая «черты сходства двух указанных типов дискурса, а также возможность их взаимопроникновения» [Хун 2017: 31]. Базовые основания для лингвоанализа идеологической составляющей художественного текста и признания его одним из важнейших каналов информативно-психологического воздействия: гетерогенность и социальный характер художественного стиля; коммуникативная и информативная функции; предпочтительно эмоциональный характер воздействия в процессе манипулятивного воздействия на сознание объекта, с одной стороны, и ориентация художественного воздействия, прежде всего, не на рациональную, а на чувственную сферу реципиента. С.А. Зелинский: «Мы должны обратить внимание, что важным фактором реализации любого рода манипуляций является воздействие на чувства, а не на разум. Именно эмоции, провоцирование эмоций, позволяют воздействовать сразу на подсознание, минуя сознание (цензуру психики), в результате чего в подсознании как индивида так и масс закладываются необходимые установки и паттерны поведения, при воздействии на которые в последующем можно прогнозировать любые ожидаемые реакции» [Зелинский 2008: 81]. Указанные характеристики художественного стиля однозначно признаются специалистами.

Ключевые понятия «информация» как средство и «психика» как канал воздействия присущи феноменам художественной литературы и информационно-психологической войны. Однако эстетическая, доминантная функция художественного текста как бы накладывает запрет на его анализ в контексте ИПВ. На первый взгляд термин «война» как качественно-интерпретирующий признак художественного текста – нонсенс. В качестве начального возражения можно привести примеры уже устоявшихся когнитивных метафор: «война культур», «война языков», «война миров». Воспользуемся в качестве методического приёма ссылкой на авторитет. Т.-А. ван Дейк, рассматривая типологию способов реализации власти в дискурсе как форме социального взаимодействия, один из 4-х способов называет так: «влиятельные нарративные тексты (романы, фильмы)» [Дейк 2013: 57–58]. Косвенным подтверждением легитимности анализа могут служить два исторических факта. С. А. Зелинский, со ссылкой на диссертацию Т.Б. Паулсена, указывает, что рейхсминистр пропаганды нацистской Германии Й. Геббельс лично редактировал наиболее важные документы, **включая художественные тексты**, предназначенные для опубликования [Зелинский 2008: 25–26]. Нацист № 2 разработал проект и лично возглавил «акцию против негерманского духа». В список не отвечающих «германскому духу» авторов были внесены имена 312 теоретиков марксизма, антифашистов, писателей-гуманистов немецкой и мировой литературы. Немецкую классику представляли, в том числе Г. Гейне, Генрих, Томас и Клаус Манны, С. Цвейг, Б. Келлерман, Э.М. Ремарк, Б. Брехт [Уроки истории ... URL: <http://www.urokiistorii.ru/article/51732> (дата обращения: 28.05.2018)].

Первое условие объективности признания и правомерности анализа художественного текста в плане ИПВ касается принципа отбора материала. Прежде всего, представляется необходимым разграничивать два вида/способа включённости идеологической составляющей в художественный текст: 1) идеологическое в органической связи с эстетическим как онтологическое свойство художественного текста: то, что является предметом литературоведческого анализа любого текста; 2) разновидности идеологических дискурсов как выражение полидискурсивности функционального художественного стиля. Для анализа в избранном направлении более значима вторая разновидность идеологического компонента глубинного содержания текста, в более эксплицитной форме отражающая особенности философии, мировоззрения писателя, картины мира, осознанно или неосознанно направленные на воздействие на сознание потенциальной читательской аудитории. Именно этот компонент создаёт уровень **публицистичности** или, иначе выражаясь, **степень идеологической ангажированности** художественного произведения. **Первый критерий** правомерности рассмотрения произведения в контексте ИПВ – наличие в тексте признаков идеологической ангажированности в рамках той или

иной идеологии / тех или иных идеологий, т.е. наличие признаков качественно-количественной интенсивности идеологического компонента содержания. Высокая степень идеологической ангажированности отличала отечественную «деревенскую прозу». Для доказательства идеологической ангажированности необходимо знакомство с «идеологической историей» произведения и его автора на материале биографических и автобиографических данных, рецензий, интервью с автором, откликов читателей, публицистических текстов автора [Системный...2016: 289–290; Мартазанов 2007: 10].

Второй, решающий, критерий для признания в исследуемом тексте признаков ИПВ – **стабильно негативный вектор оценочности** по отношению к основным объектам и мишеням манипулятивного воздействия. Это история России, её государственные, политические, культурные основы, её выдающиеся деятели, массовый героизм во времена эпохальных войн, нравственные устои русского народа, его менталитет, православие. Это, наконец, русский язык. Представляя всё в чёрном свете, перекраивая на новый лад историю, применяя стратегии дискредитации, дегероизации, порождают атмосферу нестабильности, неуверенности, лишают признаков самоидентификации, деморализуют и деактивируют граждан страны, способствуют ослаблению России, её сопротивляемости внешним, внутренним, естественно-природным негативным факторам. ИПВ – вершина, апогей идеологического противостояния. Культуролог С.М. Небренчин так характеризует цели и результаты глобальной информационной сети: «В своей деятельности, сеть нацелена, прежде всего, на подрыв и разрушение традиционных идеалов и ценностей народов России и внедрение в общественное сознание западных ценностей. <...> Манипулируя сознанием посредством надругательства над историей, культурой и верой, человека отрывают от традиционных корней, навязывают потребительский эгоизм. <...> Подмена традиционных идеалов социальным наркотиком, каким является массовая культура, привела к созданию в обществе атмосферы безнравственности, зла и апатии» [Небренчин 2017: 25].

Таким образом, ИПВ в исследуемом нами пространстве понимается как **ангажированная негативная идеологичность художественного текста**, причём имеется в виду не война как тотально агрессивное противоборство, а наличие **признаков ИПВ**. Социальная значимость художественной литературы как канала идеологического воздействия обоснована, среди прочего, и тем, что произведение, в сущности, чаще отражает те или иные идеологические установки не одного только автора. Очевидно, и к художественному тексту приложима приводимая У. Эко мысль Г. Маркузе: «Какая-либо речь, газетная статья или даже сообщение частного лица изготавливаются индивидом, который является рупором (независимо от того, уполномочен он кем-либо на эту роль или нет) отдельной группы (профессиональной, территориальной, политической, интеллектуальной) в определённом обществе» [Эко 2006: 523]. Глобальным объектом ИПВ в государственном и международном масштабе является российское государство, его общественно-экономический уклад. «Перепрофилированное» массовое сознание населения страны – средство достижения конечной цели ИПВ – ослабления или даже уничтожения страны.

Уже в процессе отборочного этапа показателем идеологической ангажированности текста служит наличие идеологем. В контексте ИПВ это единица манипулятивно-идеологического воздействия. Совокупность всех идеологем текста (высказывания, дискурса) составляет его идеологематику. Естественно, используется основной принцип дискурс-анализа: учёт лингвистических характеристик текстовых единиц в органической связи с экстралингвистическими факторами, что неминуемо предполагает, в том числе и интен-анализ. В процессе анализа используются методы, методики и приёмы семантического, стилистического анализа на уровне слова, высказывания, целого текста. Решаются задачи: выявление и систематизация идеологических смыслов текста в их лингвистической выраженности; вскрытие глубинного смысла высказывания, микро- и макротекста, не совпадающего с поверхностным однозначным; уточнение, раскрытие изложенного в тексте авторского видения; экспликация импликаций, пре-и постсуппозиций, создающих собственно смысл авторских интенций. Внимание

концентрируется на выявлении неоднозначности, двусмысленности контекстуально-коннотативных приращений, импликаций, языковой игры, – всех показателей (маркеров) расхождений между поверхностным и глубинным смыслами. Соответственно, большая роль принадлежит контекстуальному, коннотативному, компонентному анализу лексической и фразовой семантики.

Принимая положение о «пригодности» художественного текста как канала ведения ИПВ, лингвист изначально отвергает мысль о критике и оценке художественных достоинств литературного произведения. Приступая к исследованию, необходимо должным образом учитывать специфику материала. Есть ряд теоретических положений относительно природы идеологического воздействия в художественном пространстве, требующих серьёзного осмысления. Непредсказуемо, когда, как, почему или зачем, в какой обстановке тот или иной читатель обратится к тому или иному художественному тексту, и в любом случае – не в поисках «идеологических истин». Поэтому для этого канала ИПВ в особой мере значима мысль о **скрытом характере** идеологического воздействия. «Задачи идеологии фактически простираются в плоскости скрытого воздействия на сознание масс, – полагает С.А. Зелинский. – При этом массы <...> вообще не должны подозревать, что в отношении них происходит скрытое и тайное воздействие» [Зелинский 2008: 43]. На наш взгляд, к сущности ИПВ через канал художественного текста неприемлемо понимание идеологического воздействия только как **целенаправленного** [Каменева 2017: 19], или «намеренного, прежде всего, языкового, воздействия на сознание противника» [Лингвистика 2017: 13]. Представляется существенной мысль исследователей о «бессознательной составляющей идеологии. В такой латентной форме идеология присутствует во всей культуре: в политике, образе жизни, экономике, праве, искусстве, науке, в философском исследовании» [Рубцов, Любимова 2013: 6]. То, что представляет собой интенцию, мотив создания высказывания /текста в нехудожественном поле, в художественном предстаёт как далеко не всегда планируемое следствие, не всегда осознаваемое или иначе интерпретируемое реципиентом и исследователем. Об этом размышлял А.А. Потебня [Потебня 1976: 181]. У. Эко предупреждает, что *код исследователя сообщения не обязательно совпадает с кодом его создателя*, «что может совершенно изменить его “прагматическую” функцию». Это, уточняет автор, справедливо «для многих исследований средств массовой коммуникации (*а популярный роман – один из наиболее ярких примеров данного рода*)» [Эко 2005: 233] (выделено нами. – А.Б.). Так, А.П. Сковородников в блистательном лингвоидеологическом исследовании романа Е. Водолазкина «Лавр» пишет: «Так стилистика романа, *скорее всего против желания самого автора*, способствует десакрализации сакрального» (выделено нами. – А.Б.) [Сковородников 2018: 32]. Это означает, что далеко не всегда автора можно квалифицировать как актора или субъекта ИПВ, т.к. «настоящие авторы идеологических акций и инноваций обычно остаются неизвестными публике; известны лишь “актёры”, их озвучивающие» [Рубцов, Любимова 2013: 6]. Это положение снимает один из принципиальных аргументов противников анализа художественных произведений, искусства в целом, в плане идеологии и ИПВ.

Обыкновенный читатель не в состоянии и не желает осознавать подводные рифы воздействующей силы культурной продукции. Негатив надёжно скрыт под художественной оболочкой. А исследователь бывает парализован табуированной красной линией таланта и проблемой этики. Магия таланта писателя и этическое табу исследователя сказались в отзыве В.И. Шаховского на анализ автором данной статьи (А.А. Бернацкая) идеологических установок автора «ЖД» Д. Быкова. Оценка двойственна, даже противоречива. С одной стороны, рецензент признаёт, что «высокий талант Д. Быкова как писателя-публициста...*делает его эмоционально-воздействующую энергетику мощной силой ИПВ*» (выделено нами. – А. Б.). С другой стороны, тут же уклончиво говорится: «Тексты Быкова, по моему мнению, можно рассматривать и как тексты человека-патриота, переживающего все то, что он видит в своей стране, на что он обращает внимание своих читателей и что он хотел бы исправить» [Шаховский 2018: 209].

Используемая автором настоящей статьи стратегия анализа художественных текстов в контексте ИПВ гласно или негласно вызывает критику по причине её ангажированности: отступления от канона строго объективной научности. Предмет дискуссии: можно ли ангажированные в социально-политическом смысле исследования назвать научными? Думается, что та или иная степень субъективной оценочности является прямым следствием и допустимым атрибутом лингвоидеологического анализа. К тому же, невыраженность политической позиции – тоже политический выбор, настаивают представители критического дискурса-анализа: исследователь не нейтрален, разделяя те или иные групповые интересы. Нет «безоценочной науки»; наука, научный дискурс является неотъемлемой частью социальной структуры [Дейк 2013: 112]. В связи со сказанным ещё один дискуссионный аспект. В исследовательской стратегии автора данной статьи видят попытку и призыв к возврату ЦЕНЗУРЫ, оставившей печальные следы в истории советской литературы, искусства, культуры в целом. Этот упрек прозвучал в рецензии на коллективную монографию «Лингвистика информационно-психологической войны». В целом положительно оценив анализ, рецензенты пишут, что не могут согласиться лишь с утверждением автора о том, что «*“эта сфера культуры (художественная литература – Л.В.) оказывается непосредственно связанной с понятием информационной и, следовательно, национальной безопасностью государства”*» (стр. 210), так как от этой мысли всего несколько шагов до идеологической цензуры» [Веснина, Нахимова 2017: 144]. В качестве первого антиаргумента: если противники государственной цензуры за право **публиковать** всё, то почему порочным представляется желание лингвиста **интерпретировать** это «всё»? Цель анализа – вскрыть глубинный смысл высказывания, микро-и/или макротекста, не совпадающий с поверхностным, однозначным. Не осуждение, а констатация наличия неоднозначного восприятия, уточнение, раскрытие изложенного в тексте авторского видения; интенция обеспечить понимание фактов, связей, требующих анализа и интерпретации для верного понимания; экспликация импликаций, пре- и постсуппозиций, двусмысленностей, создающих собственно смысл авторских интенций или непреднамеренных идеологических воздействий. В.Е. Чернявская приводит аналогию с формированием в советское время дискурса «антисоветчины» [Чернявская 2014: 60]. Однако гонимые «антисоветчики» не занимались дискредитацией народа, его истории, страны, не занимались очернительством героических событий прошлого, достижений страны, её героев. Они выступали против диктата партии, несправедливости. Такова и ангажированная идеологичность писателей «деревенской прозы». Сегодняшние оппозиционно настроенные авторы из числа тех, чьи произведения уже стали объектом лингвоидеологического анализа в статьях автора данной публикации, добиваются профессионального успеха, получают знаки признания от лица государства и зарубежных организаций благодаря безудержно негативному отношению к русскому народу, его менталитету, к истории страны, её достижениям, выдающимся деятелям, героям освободительной войны. Сегодня нет ни внутренней, ни внешней цензуры. Но агрессия в художественной форме действует на моральное состояние общества. «Герой» недавней сенсации, мальчик из Уренгоя, который с трибуны рейхстага говорил об оставшихся в русской земле немецких солдатах как о безвинных жертвах, условно говоря, – не благодарный ли читатель, не «продукт» ли и нравственная жертва повести Е.Г. Водолазкина «Близкие друзья»? Заголовок аналитической статьи А.П. Сковородникова «Ложка дёгтя в бочке мёда» воспринимается как литота, смягчающая критику, предупреждающая возможное обвинение в попытке цензурирования. Ложка дёгтя – величина малая, не всякий и ощутит дурной вкус и почувствует чуждый «душок». Но если представить себе библиотеку условного читателя состоящей из таких «бочек», то и дёгтя в них наберётся, может быть, и не одна бочка. И будет уже не душок, а дух. Дух не гражданина-созидателя, а фрустрирующего, деморализованного обывателя. Может быть, условный «мальчик» и не успел прочесть ни повесть, ни романы Е. Водолазкина, ни романы Д. Быкова, М.П. Шишкина, В. Бенигсена. Но прочтёт. Какую же ещё литературу и не читать, как не авторов – получателей государственных и международных премий, грантов, центров

читательских и научных конференций? Таланты – великое достояние нации. Их надо чтить и беречь. Но надо прежде всего обезопасить будущее страны, чтобы не взрастить поколения «мальчиков из Уренгоя». Об этом феномене на правах искушённого читателя, Мастера, давно снискавшего заслуженную славу в области искусства, общественный деятель и непрофессиональный, но мудрый политолог Н.С. Михалков: «<...> (Потому что) это ведёт к постепенному приучению и наших людей, и всего мирового сообщества к мысли о том, что никакой разницы между Красной армией и вермахтом нет, никакой разницы между фашизмом и сталинизмом нет. А если это так, то режим, который был в СССР в те годы, может быть подвергнут новому Нюрнбергскому процессу и все завоевания, все государственные границы могут быть пересмотрены <...> Так что не видеть эту опаснейшую тенденцию – это либо идиотизм, либо предательство» (АиФ. 2017. № 48). В журналистской среде отношение к вопросу о том, нужна ли цензура, неоднозначное. Пример позитивного ответа – мнение журналиста А. Минкина в газетной (МК) статье с говорящим заголовком «Необходимость цензуры». Концовка статьи: «Нужна цензура. Как контроль спиртного, как санитарный контроль продовольствия. Нужна цензура, которая не имеет права запрещать критику властей, но препятствует национальной духовной катастрофе» (Цит. по [Чудинов 2012: 170]).

Несколько слов в заключение. Художественное произведение может выполнять функцию средства ИПВ в процессе его рецепции читательской аудиторией непосредственно или в результате его сознательной популяризации заинтересованными институтами и личностями именно как оружия ведения ИПВ. Большая ответственность лежит на руководящих органах образования, отбирающих списки обязательной и рекомендуемой художественной литературы. Художественные тексты определённой идеологической направленности – малые ручейки, подпитывающие мощный поток широкомасштабной информационной войны, ведущейся самыми изощрёнными способами против России. Роль и воспитательная миссия писателей особенно велика в стране, в которой гений прошлого говорил о «поэте-властителе дум», а одному из талантливейших поэтов современности принадлежит бессмертный афоризм «Поэт в России больше чем поэт».

Литература

- Акция против негерманского духа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urokiistorii.ru/article/51732> (дата обращения: 28.05.2018).
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.
- Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 1456 с.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 352 с.
- Бушев А.Б. Политическая коммуникативистика // Филологические науки. 2018. № 1. С. 33–44.
- Веснина Л.Е., Нахимова Е.А. Информационные войны в России // Политическая лингвистика. 2017. № 3 (63). С. 140–145.
- Гаврилова М.В. Лингвистический метод исследования политических коммуникаций // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. М.: РАПН. РОССПЭН, 2012. С. 205–221.
- Даниленко В.П. Методы лингвистического анализа: курс лекций. М.: Флинта : Наука, 2011. 280 с.
- Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

Друлак П. Метафора как мост между рациональным и художественным (перевод О.А. Ворожцовой) // Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2008. С. 179–202.

Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание [Электронный ресурс]. СПб.: Скифия, 2008. 404 с. URL: <https://psyfactor.org/lib/zelinski-02.htm> (дата обращения: 24.05.2018).

Каменева В.А. Теоретические основы идеологических исследований. Краткий обзор // Политическая лингвистика. 2017. № 3 (63). С.16–19.

Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА : НАУКА, 2013. 820 с.

Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литературы и языка. 2004. Том 63. №3. С. 3–12.

Купина Н.А. Русская идея в контексте современности: «Бесы» Достоевского и аксиологические суждения Бердяева // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 31–38.

Купина Н.А. Лингвистическая философия Евгения Водолазкина: роман «Авиатор» // Известия УРФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. №4 (169). С.194–205.

Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.

Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга 1. / А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова [и др.]; под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

Мартазанов А.М. Идеология и художественный мир «деревенской прозы» (В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев, Б. Можаев): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2007. 30 с.

Москвин В.П. Методы и приёмы лингвистического анализа. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 450 с.

Небренчин С.М. Историко-культурное измерение современной идеологии Российского государства // Вопросы культурологии. 2017. № 11. С. 25–32.

Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: «Искусство», 1976. 614 с.

Райзберг Г.А. Современный социоэкономический словарь. М.: ИНФРА, 2014. 629 с.

Рубцов А.В., Любимова Т.Б. Идеология и процессы социальной модернизации. Введение. М.: Academia, 2013. С. 5–10.

Системный взгляд как основа филологической мысли / О.И. Валентинова и др. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с.

Сковородников А.П. Ложка дегтя в бочке меда (об одной «детали» романа Евгения Водолазкина «Лавр») // Политическая лингвистика. 2018. № 2. С. 29–38.

Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвистика ИПВ: обоснование и определение понятия // Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга 1; под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. С. 15–21.

Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1986. 590 с.

Хроленко А.Т. Исследовательский инструментарий лингвокультурологии // Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие / под ред. В.Д. Бондалетова. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2005. С.133–170.

Хун Лю. Особенности реализации политического дискурса в художественном тексте: к постановке проблемы // Политическая лингвистика. 2017. №3 (63). С. 31–41.

Чернявская В.Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. №1 (038). С. 54–61.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта : Наука, 2012. 256 с.

Чуешов В.И. О риторических границах идеологического дискурса [Электронный ресурс] // Коммуникация и образование: Сборник статей / под ред. С.И. Дудника. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. С. 247–265. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/chueshov-vi/o-ritoricheskikh-granichah-ideologicheskogo-diskursa> (дата обращения: 3.07.2018).

Шаховский В.И. Может ли лингвистика повлиять на ход психологической войны? (Лингвистические заметки о коллективной монографии «Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга 1 / А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова (и др.); под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.)» // Вопросы психолингвистики. 2018. №1 (35). С. 201–209.

Эко У. Риторика и идеология в «Парижских тайнах» Эжена Сю // Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Перев. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. СПб.: «Симпозиум». 2005. С. 207–236.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / перев. с итал. СПб.: «Симпозиум», 2006. 544 с.

References

Aksiya protiv negermanskogo duha [Action against the non-German spirit]. Available at: <http://www.urokiistorii.ru/article/51732> (accessed 28.05.2018).

Boldyrev N.N. Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: kurs lektsiy [Cognitive semantics. Introduction to Cognitive Linguistics: A Course of Lectures]. Tambov, Izdatelskiy dom TGU im. G.R. Derzhavina Publ., 2014. 236 p.

Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar [The Great Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1998. 1456 p.

Budaev E.V., Chudinov A.P. Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika: ucheb. Posobie [Foreign political linguistics: Textbook]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2008, 352 p.

Bushev A.B. Politicheskaya kommunikativistika [Political Communication Studies]. *Filologicheskie nauki*, 2018, no 1, pp. 33–44.

Vesnina L.E., Nahimova E.A. Informatsionnyie voyni v Rossii [Information wars in Russia]. *Politicheskaya lingvistika*, 2017, no 3 (63), pp. 140–145.

Gavrilova M.V. Lingvisticheskiy metod issledovaniya politicheskikh kommunikatsiy [Linguistic method of research of political communication]. *Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya i praktika* [Political communicative theory: theory, methodology and practice] / ed. by L.N. Timofeeva. Moscow, RAPN. ROSSPEN Publ., 2012, pp. 205–221.

Danilenko V.P. Metody lingvisticheskogo analiza: kurs lektsiy [Methods of linguistic analysis: a course of lectures]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2011. 280 p.

Dijk T.A. van. Diskurs i vlast: Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyike i kommunikatsii [Discourse and Power: Representation of Domination in Language and Communication] / transl. from English. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM» Publ., 2013. 344 p.

Drulak P. Metafora kak most mezhdu ratsionalnyim i hudozhestvennyim (perevod O.A. Vorozhtsovoy) [Metaphor as a bridge between rational and artistic (translated by O.A. Vorozhtsova)]. Budaev E.V., Chudinov A.P. Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie [Foreign political linguistics: Textbook]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2008, pp. 179–202.

Zelinskiy S.A. Informatsionno-psihologicheskoe vozdeystvie na massovoe soznanie [Information and psychological impact on mass consciousness]. St. Petersburg, Skifiya Publ., 2008, 404 p. Available at: <https://psyfactor.org/lib/zelinski-02.htm> (accessed 24.05.2018).

Kameneva V.A. Teoreticheskie osnovyi ideologicheskikh issledovaniy. Kratkiy obzor [Theoretical basis of ideological research. Short review]. *Politicheskaya lingvistika*, 2017, no 3 (63), pp.16–19.

Komarova Z.I. Metodologiya, metod, metodika i tehnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike: ucheb. posobie [Methodology, method, technique and technology of scientific research in linguistics: Textbook]. Moscow, FLINTA: NAUKA Publ., 2013, 820 p.

Kubryakova E.S. Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktualnykh problemakh kognitivnoy lingvistiki [About the Institutions of Cognitive Science and Current Problems of Cognitive Linguistics]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka*, 2004, vol. 63, no 3, pp. 3–12.

Kupina N.A. Russkaya ideya v kontekste sovremennosti: "Besyi" Dostoevskogo i aksiologicheskie suzheniya Berdyayeva [The Russian idea in the context of modernity: Dostoevsky's "demons" and Berdyayev's axiological judgments]. *Politicheskaya lingvistika*, 2015, no 2 (52), pp. 31–37.

Kupina N.A. Lingvisticheskaya filosofiya Evgeniya Vodolazkina: roman «Aviator» [The linguistic philosophy of Evgeny Vodolazkin: the novel "Aviator"]. *Izvestiya URFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 2017, vol. 19, no 4 (169), pp.194–205.

Leontovich O.A. Metody kommunikativnykh issledovaniy [Methods of communicative research], Moscow, Gnozis Publ., 2011, 224 p.

Lingvistika informatsionno-psihologicheskoy voynyi: monografiya. Kniga 1. [Linguistics of information-psychological war: Monograph. Book 1.] Ed. by prof. A.P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2017, 340 p.

Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa [The foundations of the discourse theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2000, 280 p.

Martazanov A.M. Ideologiya i hudozhestvennyy mir «derevenskoy prozy» (V. Rasputin, V. Belov, V. Astafiev, B. Mozhaev) [Ideology and the artistic world of "rural prose" (V. Rasputin, V. Belov, V. Astafiev, V. Mozhaev)]. Abstract of Philology Dr. Diss. St. Petersburg, 2007. 30 p.

Nebrenchin S.M. Istoriko-kulturnoe izmerenie sovremennoy ideologii Rossiyskogo gosudarstva [Historical and cultural dimension of the modern ideology of the Russian state]. *Voprosy kulturologii*, 2017, no 11, pp. 25–32.

Potebnya A.A. Estetika i poetika [Aesthetics and poetics]. Moscow, «Iskusstvo» Publ., 1976. 614 p.

Rayzberg G.A. Sovremennyy sotsioekonomicheskiy slovar [Modern socioeconomic dictionary]. Moscow, INFRA Publ., 2014. 629 p.

Rubtsov A.V., Lyubimova T.B. Ideologiya i protsessy sotsialnoy modernizatsii. Vvedenie [Ideology and processes of social modernization. Introduction]. Moscow, Academia Publ., 2013, pp. 5–10.

Sistemnyy vzglyad kak osnova filologicheskoy mysli [Systemic view as the basis of philological thought] / O.I. Valentinova i dr. Moscow, Izdatelskiy Dom YaSK Publ., 2016. 440 p.

Skovorodnikov A.P. Lozhka degtya v bochke meda (ob odnoy «detali» romana Evgeniya Vodolazkina «Lavr») [Spoon of tar in a barrel of honey (about one "detail" of the novel by Eugene Vodolazkin "Lavr")]. *Politicheskaya lingvistika*, 2018, no 2, pp. 29–38.

Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. Lingvistika IPW: obosnovanie i opredelenie ponyatiya [Linguistics of IPW : justification and definition of the concept]. *Lingvistika informatsionno-psihologicheskoy voynyi: monografiya. Kniga 1* / A.A. Bernatskaya, I.V. Evseeva, A.V. Kolmogorova [i dr.]; pod red. prof. A.P. Skovorodnikova [Linguistics of information-psychological war: Monograph. Book 1]. A.A. Bernatskaya, I.V. Evseeva, A.V. Kolmogorova et al. Ed. by prof. A.P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2017. 340 p.

Filosofskiy slovar / pod red. I.T. Frolova. 5-e izd. [Philosophical dictionary]. Ed. by I.T. Frolov, 5th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 590 p.

Hrolenko A.T. Issledovatel'skiy instrumentariy lingvokulturologii [Research instruments of linguoculturology]. *Hrolenko A.T. Osnovy lingvokulturologii: uchebnoe posobie* [Fundamentals of linguoculturology: Textbook]. Ed. by V.D. Bodaletov, 2nd ed. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2005, pp.133–170.

Hun Lyu. Osobennosti realizatsii politicheskogo diskursa v hudozhestvennom tekste: k postanovke problemyi [Features of the implementation of political discourse in the artistic text: the formulation of the problem]. *Politicheskaya lingvistika*, 2017, 3 (63), pp. 31–41.

Chernyavskaya V.E. Fantomy i sindromy diskursivnoy paradigmyi [Phantoms and syndromes of the discursive paradigm]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2014, no 1 (038), pp. 54–61.

Chudinov A.P. Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie [Political Linguistics: Textbook]. 4th ed. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2012. 256 p.

Chueshov V.I. O ritoricheskikh granitsah ideologicheskogo diskursa [On the rhetorical boundaries of ideological discourse]. *Kommunikatsiya i obrazovanie: Sbornik statey [Communication and Education: Collection of Articles]*. Ed by S.I. Dudnik. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2004, pp. 247–265. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/chueshov-vi/o-ritoricheskikh-granichah-ideologicheskogo-diskursa> (accessed 3.07.2018).

Shahovskiy V.I. Mozhet li lingvistika povliyat na hod psihologicheskoy voynyi? (Lingvisticheskie zametki o kollektivnoy monografii «Lingvistika informatsionno-psihologicheskoy voynyi: monografiya. Kniga 1 / A.A. Bernatskaya, I.V. Evseeva, A.V. Kolmogorova (i dr.); pod red. prof. A.P. Skovorodnikova. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2017. 340 s.) [Can linguistics affect the course of psychological war? (Linguistic notes on the collective monograph "Linguistics of information-psychological war: Monograph. Book 1". A.A. Bernatskaya, I.V. Evseeva, A.V. Kolmogorova et al. Ed. by prof. A.P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t, 2017, 340 p.)]. *Voprosy psiholingvistiki [Issues in Psycholinguistics]*, 2018, 1 (35), pp. 201–209.

Eko U. Rol chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta [The role of the reader. Research on the semiotics of the text]. Transl. from English and Italian. St. Petersburg, «Simpozium», 2005. 502 p.

Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu [Missing structure. Introduction to Semiology]. Transl. from Italian. St. Petersburg, «Simpozium», 2006. 544 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Бернацкая Ада Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации

Сибирский федеральный университет

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

E-mail: bern1940@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Bernatskaya Ada Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Speech Communication

Siberian Federal University

79 Svobodny prospect, Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: bern1940@mail.ru